

Къ вопросу объ Ангелѣ Іеговы.

(Библиографическая записка).

Въ недавнее время наша богословская литература обогатилась весьма цѣннымъ сочиненіемъ, озаглавленнымъ „Ветхозавѣтное библейское ученіе объ Ангелахъ (Опытъ библейско-богословскаго изслѣдованія)“. Книга эта, при своемъ громадномъ внѣшнемъ объемѣ (I—V + I—705 стрц.), поражаетъ и своими выдающимися внутренними качествами—превосходнымъ знакомствомъ автора съ подлиннымъ и переводнымъ текстомъ ветхозавѣтныхъ библейскихъ мѣстъ объ Ангелахъ, обиліемъ относящагося къ этому предмету патристическаго элемента и глубокимъ критическимъ обслѣдованіемъ ученаго матеріала на языкахъ нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ. Къ достоинствамъ сочиненія надобно отнести еще и безукорыненное литературное изложеніе.

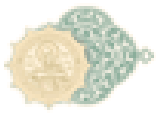
Какъ, однако, ни полна эта книга ученыхъ и литературныхъ совершенствъ, въ морѣ этихъ совершенствъ есть нѣсколько жемчужинъ меньшей, а можетъ быть даже и спорной, цѣнности, которыя мы позволяемъ себѣ поднять и, въ интересахъ важности предмета книги, разсмотрѣть при болѣе полномъ освѣщеніи.

Прежде всего, представляется не совсѣмъ ясною постановка сочиненія. Задачею его ставится то вообще „систематическое или научное“ изложеніе ветхозавѣтнаго ученія объ Ангелахъ (стрц. IV), то, частнѣе, „историко-экзегетическое“

изложение этого учения (стр. 9), то заявляется, что „въ настоящемъ сочиненіи нельзя видѣть трудъ по догматическому богословію“ (стр. 1), то говорится такъ, что этотъ трудъ „будетъ историко-догматическимъ изложеніемъ учения ветхозавѣтной Библии объ Ангелахъ“ (стр. 10).

Есть и еще одно указаніе у автора на характеръ его книги, и едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что это послѣднее указаніе наиболѣе близко и точно выражаетъ характеръ его изслѣдованія. „Предлагаемое изслѣдованіе, говоритъ онъ, всецѣло относится къ области науки библейскаго богословія (науки, еще не выдѣлившейся у насъ въ самостоятельную, но существующей на западѣ), которая въ отличие отъ систематической догматики имѣетъ своимъ предметомъ историко-генетическое изложение вѣроученія библейскихъ книгъ, излагаетъ всѣ формы отъ самой ранней до самой поздней, какія проходило данное учение на протяжении всей Библии“ (стр. IV).

Итакъ, сочиненіе автора — „опытъ *библейско*-богословскаго изслѣдованія“, какъ оно и называется на заглавномъ, выходномъ листѣ книги. Если мы сдѣлаемъ маленькую экскурсію въ область исторіи и немного ознакомимся съ происхожденіемъ направленія, извѣстнаго подъ именемъ *библейскаго*, то для насъ уяснится одна, характеризующая книгу автора, особенность, на которую и могутъ быть направлены возраженія. Библейское направленіе имѣетъ связь съ такъ называемымъ пинеризмомъ или піетизмомъ и возникло, какъ реакція противъ усилившагося въ лютеранствѣ XVII в. схоластицизма, оперировавшаго, главнымъ образомъ, на почвѣ, такъ называемыхъ, символическихъ книгъ. Въ противоѣдствіе этому схоластицизму, стремившемуся заковать лютеранское вѣроученіе въ неподвижныя конфессіональныя формы, богословы библейскаго направленія начали выдвигать для догматики исключительно *библейскія* основанія. Съ этою цѣлію они обратились къ научному изслѣдованію книгъ

свящ. писанія, при чемъ ветхій и новый завѣтъ разсматривали *отдѣльно* и *независимо* одинъ отъ другого, а въ скоромъ времени начали проводить между ними и черту *различія*.

Нѣчто подобное усматривается и въ книгѣ автора, въ которой если и нельзя констатировать ясно выраженной идеи различія между ветхимъ и новымъ завѣтомъ, то нельзя не видѣть нѣкотораго стремленія вести изслѣдованіе объ одномъ изъ предметовъ ветхозавѣтнаго богословія *независимо* отъ матеріала, заключающагося въ новозавѣтныхъ книгахъ. Это стремленіе замѣчается на пространствѣ всей книги, но съ особенною ясностію выступаетъ въ первомъ ея трактатѣ—объ Ангелѣ Іеговы (стр. 18—176).

Встрѣчая въ ветхозавѣтныхъ книгахъ мѣста, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ представляется Ангелъ Іеговы, авторъ путемъ разсмотрѣнія признаковъ, заключающихся въ *контекстѣ* этихъ мѣстъ, приходитъ къ заключенію, что подъ Ангеломъ Іеговы надобно разумѣть *Божественнаго Логоса*, Второе Лицо пресв. Троицы. Такихъ мѣстъ подобрано у него много и, если принять его экзегесисъ, Второе Лицо Троицы было главнымъ, дѣйствующимъ лицомъ въ ветхозавѣтной теократіи, учредителемъ и охранителемъ завѣтныхъ обѣтованій избранному народу Божию: оно выступало въ явленіяхъ патріархамъ Аврааму, Исааку и Іакову, въ исторіи изведенія еврейскаго народа изъ Египта, его странствованія по пустынѣ, полученія имъ закона и заселенія обѣтованной земли, въ исторіи Іисуса Навина, судей и въ откровеніяхъ пророкамъ. Не всѣ эти мѣста имѣютъ для себя параллели въ новозавѣтныхъ книгахъ, но тѣ, которыя имѣютъ, должны быть, повидимому, истолкованы не такъ, какъ толкуетъ ихъ авторъ. Остановимся на этихъ мѣстахъ.

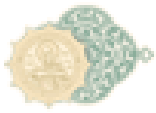
„Объ Ангелѣ Іеговы, говоритъ авторъ, какъ личности Божественной, какъ Богъ откровенія и совершитель боже-

ственного домостроительства, свидетельствуетъ, прежде всего, разсказъ о *явленіи Аврааму* Иеговы въ видѣ трехъ мужей. Быт. XVIII, 2 и дал.“ (Стр. 81).

Безспорно, одинъ изъ явившихся Аврааму при мамврійскомъ дубѣ странниковъ былъ лицомъ *Божественнымъ*. Но откуда видно, что это былъ Божественный Логосъ, Второе Лицо Троицы? Несомнѣнно, лицо это то самое, которое являлось Аврааму въ видѣніи ночью, обѣщало ему, что изъ чреслъ его родится ему наслѣдникъ (Быт. XV, 1. 4), входило съ нимъ въ завѣтъ и обѣщало ему многочисленное потомство, въ знакъ чего перемѣнило ему имя Аврамъ на Авраамъ, и проч. (Быт. XVIII, 4. 5). Новозавѣтное писаніе не даетъ намъ основанія видѣть въ этомъ лицѣ Логоса.

а) Ап. Павелъ въ 4 главѣ посланія къ Римлянамъ, сказавъ, что Авраамъ получилъ оправданіе за свою вѣру, за то, между прочимъ, что *не изнемогъ вѣрою, ни усупотри своя плоти уже умерщвленныя, столѣтенъ нѣгдѣ сый, и мертвості ложеснѣ Сарриныхъ* (IV, 19), говоритъ затѣмъ: *Тѣмже и вѣрнися ему въ правду. Не писано же бысть за того единого точію, яко вѣрнися ему. Но и за ны, имже хоцетъ вѣрнитися вѣрующимъ въ воскресившаго* (ἐπὶ τὸν ἐγείραντα—въ Того, Кто воскресилъ) *Исуса Христа, Господа нашего, изъ мертвыхъ* (22—24). Приведенныя слова апостола даютъ намъ основаніе для слѣдующаго, вполне логически выводимаго, заключенія. Если мы оправдываемся вѣрою въ Того, Кто воскресилъ Иисуса Христа изъ мертвыхъ, то и Авраамъ оправданъ вѣрою въ то же самое Лицо: значить, это именно Лицо и вступало въ завѣтъ съ Авраамомъ и дѣлало ему обѣтованіе объ имѣющемъ произойти отъ него сѣмени и, между прочимъ, о рожденіи сына Исаака, во время явленія у дуба мамврійскаго.

б) Для такого же заключенія даетъ ап. Павелъ основаніе и въ своемъ посланіи къ Галатамъ. Здѣсь, прилагая

данное Аврааму обѣтованіе о Сѣмени къ лицу Іисуса Христа (III, 16), онъ непосредственно за тѣмъ продолжаетъ: *Сіе же глаголю, завѣта предутвержденнаго отъ Бога во Христа, бывшій по лѣтѣхъ четыреста и тридесятихъ законъ не отменяетъ, во еже разорити обѣтованіе* (ст. 17). Слова *предутвержденнаго отъ Бога во Христа* показываютъ съ ясностію, что Богъ, дававшій Аврааму обѣтованія, не Богъ Логосъ.

в) Совершенно ту же мысль даютъ и слова ап. Петра, обращенныя въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ къ іудеямъ: *Вы есте сынове пророкъ и завѣта, егже завѣща Богъ ко отцемъ вашимъ, глаголя ко Аврааму: и о сѣмени твоємъ возблагословятся вся отечествія земная. Вамъ первѣ Богъ, воздвигшій Отрока (παῖδα, Сына) своего Іисуса, посла Его благословяща васъ* (III, 25. 26).

Приводимые далѣе случаи явленія Ангела Іеговы изъ *исторіи Іакова* (видѣніе таинственной лѣстницы съ ангелами, восходящими и нисходящими по ней, и Господомъ = Ангеломъ Іеговы на верху и бореціе съ незнакомцемъ = Ангеломъ Іеговы) мы пропустимъ, потому что новозавѣтное писаніе къ этимъ фактамъ не представляетъ параллелей. Объяснять же подобные библейскіе факты безъ новозавѣтныхъ параллелей, на основаніи одного только ветхозавѣтнаго библейскаго текста, крайне трудно и едва ли возможно. Наглядный тому примѣръ представляетъ книга автора при объясненіи указанныхъ фактовъ изъ исторіи Іакова. Заканчивая это объясненіе, авторъ говоритъ: „Сколь глубоко утвердилась въ сознаніи Іакова мысль объ Ангелѣ Іеговы, какъ виновникъ и посредникъ благодѣяній божіихъ, явленныхъ отцамъ его и ему самому, свидѣтельствуютъ слова благословенія, которыя преподалъ сыновьямъ Іосифа умирающій и обзрѣвающій всю прошлую жизнь свою патріархъ: «Богъ, предъ которымъ ходили отцы мои Авраамъ и Исаакъ, пасущій

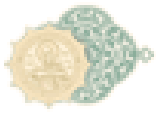
меня съ тѣхъ поръ, какъ я существую, до сего дня, Ангелъ, избавляющій меня отъ всякаго зла, да благословитъ отроковъ сихъ» (стрц. III). Чувствуя, однако, нѣкоторую шаткость этой своей аргументаціи, онъ прибѣгаетъ къ авторитету св. Аѳанасія Александрійскаго, который подъ Ангеломъ Іеговы въ благословеніи Іаковомъ сыновъ Іосифа разумѣетъ Сына Божія. Но святоотеческая письменность представляетъ и другое объясненіе этого мѣста. „Знай, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, что каждый изъ вѣрныхъ имѣетъ ангела, да и каждый изъ древнихъ праведниковъ имѣлъ ангела, какъ говоритъ Іаковъ: *ангелъ, иже избавляетъ мя отъ всѣхъ золь, да благословитъ дѣтища сія*“ (Бесѣд. на посл. къ Кол.). Въ виду этихъ расходящихся святоотеческихъ объясненій, толкованіе взятыхъ изъ исторіи Іакова фактовъ въ смыслѣ явленія ему Ангела Іеговы, какъ Божественнаго Логоса, остается нерѣшительнымъ.

Особенно много мѣстъ объ Ангелѣ Іеговы указывается изъ исторіи Моисея.

1. Прежде всего, Ангелу Іеговы приписывается самое *призваніе Моисея*, описываемое въ книгѣ Исходъ III, 1—19. По толкованію автора, явившійся Моисею въ горящей кущинѣ ангелъ былъ Божественный Логосъ. Между тѣмъ, новозавѣтное писаніе, повидимому, не оправдываетъ такого толкованія.

а) Говорящій къ Моисею изъ кущины называетъ Себя *Богомъ Авраама, Исаака и Іакова* (Исх. III, 6. 15). Ап. Петръ, въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, прилагаетъ это названіе къ Богу Отцу: *Богъ, говоритъ онъ іудеямъ, Авраамовъ, и Исааковъ и Іаковъ, Богъ отецъ вашихъ, прослави Отрока (παῖδα) Своего Іисуса, Егоже вы предасте* (III, 13), и ниже: *Богъ отецъ вашихъ воздвиже Іисуса, Егоже вы убисте, повѣсивше на древъ* (V, 30).

б) Затѣмъ, на вопросъ Моисея, какъ сказать ему, когда спросятъ его, кто его послалъ, Говорящій отвѣчаетъ: *такъ*

речеша синоумъ Израилевымъ: Сый мя посла (ст. 14). Новозавѣтное писаніе это названіе прилагаетъ также къ Богу Отцу. Іоаннъ Богословъ въ Апокалипсисѣ говоритъ семи Асійскимъ церквамъ: *Благодать вамъ и миръ отъ сущаго, и иже бѣ, и грядущаго, и отъ... Іисуса Христа* (I, 4. 5; см. IV, 8, XI, 17).

в) Посылая, наконецъ, Моисея къ фараону просить, чтобы онъ отпустилъ евреевъ въ пустыню для жертвоприношенія, Говорящій замѣчаетъ: *Азъ же вѣмъ, яко не отпуститъ васъ фараонъ, царь Египетскій, поити, аще не рукою крѣпкою* (III, 18. 19), и ниже: *Азъ же ожесточу сердце фараона и не отпуститъ людей* (IV, 21). Ап. Павелъ, высказавъ въ 8 главѣ посланія къ Римлянамъ мысль, что кого Богъ предузналъ, тѣмъ и предопредѣлилъ быть подобными образу Сына Своего, и проч. (29. 30) и раскрывая, затѣмъ, въ 9 главѣ эту мысль изъ исторіи Исава и Іакова (ст. 10—13), между прочимъ, останавливается на ожесточеніи фараона и говоритъ: *Тѣмъ же убо его же хочетъ* (Богъ) *милуетъ, а его же хочетъ ожесточаетъ* (ст. 18).

2. Ангелу Іеговы, т. е., по толкованію автора, Божественному Логосу, приписывается, затѣмъ, и дѣло изведенія евреевъ изъ Египта, а также и веденія ихъ по пустынь, хотя, впрочемъ, въ то же время допускается, что въ томъ и другомъ случаѣ дѣятелемъ является самъ Іегова, не только „въ смыслѣ послѣдней причины“, „самое же осуществленіе“ спасенія евреевъ отъ египетскаго ига принадлежитъ Божественному Логосу.

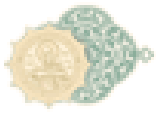
Новозавѣтное писаніе не оправдываетъ этой двойственности толкованія, и какъ изведеніе евреевъ изъ Египта, такъ и водительство ихъ по пустынь представляетъ дѣломъ исключительно Бога Отца. Въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ приводится слѣдующая рѣчь ап. Павла, произнесенная имъ въ синагогѣ Антиохіи Писидійской: *Мужіе израильяне и боящіися Бога, услышите! Богъ людей сихъ избра отцы на-*

ии и люди вознесе въ прише́лствіи въ земли Египетскѣй и мышцею высокою изведе ихъ изъ нея: и до четырёхъдесяти лѣтъ препита ихъ въ пустыни, и низложивъ языкъ седмъ въ земли Ханаанскѣй, даде имъ въ наслѣдіе землю ихъ (XIII, 17—20). Кратко упомянувъ, затѣмъ, о дѣлахъ Божіихъ въ періодъ судей и царей Саула и Давида, апостолъ показываетъ дальше, *кого* онъ разумѣетъ подъ именемъ Бога,—говоритъ, что отъ сѣмени Давида *Богъ по обѣтованію воздвиге Израилю спасеніе Иисуса* (23) и что, когда іудеи предали Иисуса на смерть, *Богъ воскреси Его отъ мертвыхъ. И мы, заканчиваетъ свою рѣчь апостолъ, свидѣтельствуемъ обѣтованіе, бывшее ко отцамъ, яко сіе Богъ исполнилъ есть намъ чадомъ ихъ, воздвигъ Иисуса, якоже и въ псалмъ второмъ писано есть: Сынъ мой еси ты, азъ днесъ родихъ тя* (32—33).

3. Наконецъ, Ангелу Іеговы (Божественному Логосу) приписывается *синайское законодательство*. Новозавѣтное писаніе говоритъ только объ ангелахъ (во множ. числѣ), когда касается синайскаго законодательства (Гал. III, 19; Евр. II, 2), воспроизводя, очевидно, картину дарованія закона Богомъ на Синаѣ въ присутствіи сонма ангеловъ. Есть одно лишь мѣсто, гдѣ представляется ангелъ (въ единств. числѣ) въ связи съ синайскими событіями: это—38 стихъ 7 главы книги Дѣяній Апостольскихъ. Но сомнительно, чтобы первоученикъ Стефанъ подъ этимъ ангеломъ разумѣлъ Логоса и Его дѣятельность при синайскомъ законодательствѣ.

а) Согласно съ ап. Павломъ, ниже въ своей рѣчи, и онъ говоритъ объ участіи только *тварныхъ* ангеловъ при синайскомъ законодательствѣ (Дѣян. VII, 53: *Иже, т. е. евреи, пріяте законъ устроеніемъ ангельскимъ*—*εἰς διαταγὰς ἀγγέλων*).

б) Самая логическая конструкція 38 стиха едва-ли допускаетъ мысль о Логосѣ. Св. Стефанъ говоритъ о Моисеѣ: *Сей есть бывшій въ церкви въ пустыни со ангеломъ гла-*

голавшииъ (μετὰ τοῦ ἀγγέλου τοῦ λαλοῦντος) ему на горѣ Синайстѣй и со отцы нашими, иже пріять слова жива дати намъ. Очевидно, этотъ стихъ воспроизводитъ картину синайскаго законодательства, но вопросъ, въ какое время—раньше или позже восшествія Моисея на гору? Скорѣе, кажется, можно думать, что—раньше, потому что, восшедши, по повелѣнію Божію, на гору, Моисей выступалъ уже изъ состава церкви, чтò бы ни разумѣть подъ этою церковію—собраніе ли, т. е. всю наличность еврейскаго народа, собравшагося тогда предъ синайскою горой, или церковь въ богослужебномъ значеніи, такъ какъ тогда здѣсь были и священники. А если раньше, что, въ такомъ случаѣ, разумѣть подъ ангеломъ, съ которымъ тогда былъ Моисей? Едва ли Логоса, потому что представлять Логоса стоящимъ съ Моисеемъ и еврейскимъ народомъ предъ синайской горой, когда она трепетала отъ грома и молній, едва ли возможно. Удобно представимъ для насъ, что это былъ ангелъ-хранитель еврейскаго народа, который сопутствовалъ евреямъ и въ присутствіи котораго Моисей съ церковію, т. е. со всѣмъ еврейскимъ народомъ, находился тогда близъ синайской горы, предъ Говорящимъ съ горы Богомъ. Такъ эта картина и изображается въ 19 главѣ книги Исходъ: *Изведе же Моисей люди во срѣтеніе Богу изъ полка и стама подъ горою... Моисей глаголаше, Богъ же отвѣщаваше ему гласомъ* (XIX, 17. 19). Поэтому ангела, съ которымъ Моисей былъ тогда въ церкви въ пустынь, св. Стефанъ называетъ ὁ ἀγγέλος τοῦ λαλοῦντος, ангеломъ Говорящаго, т. е. Бога.

М. Ястребовъ.